

— Я не делала этого, я невиновна! — Жуань Юэ с грохотом упала на колени, обращаясь к госпоже. — Госпожа, я невиновна!

Госпожа Ду, лицо её было мрачным, сделала шаг вперед и с силой ударила Жуань Юэ по лицу. — Подлая служанка, как ты посмела соблазнить молодого господина!

— Нет, госпожа, это молодой господин...

Громкий шлепок! Ещё одна пощечина. Госпожа Ду прервала её. — Ты ещё смеешь говорить! Чанъань, уведите её!

Чанъань немедленно схватил Жуань Юэ и поволок прочь. Её рот был зажат, и она не могла произнести ни слова. Во дворе госпожа Ду сидела на стуле, наблюдая за Жуань Юэ, которую силой удерживали на коленях. В её глазах читалась холодная жестокость.

— Бейте её, пока она не запомнит урок.

Ду Сюэтан послушался Жуань Юэ и, несмотря на незажившие раны, никуда не выходил, оставаясь в своей маленькой, ветхой комнате. Хотя он ненавидел это место, как только стемнело, он вышел. В это время людей было меньше всего, и он мог отправиться к сестре Жуань.

— Эй... Ты слышал? Жуань Юэ соблазнила молодого господина, и госпожа её избила, она едва жива.

— Кто такая Жуань Юэ?

— Та, что всегда защищала этого ублюдка.

— А.

Ду Сюэтан оцепенел, забыв о скрытности, оттолкнул людей и бросился бежать, словно обезумев.

У двери комнаты Жуань Юэ было темно и тихо, не слышно ни звука. Он осторожно подошёл к двери, приложил ладонь к дереву, боясь открыть её.

Скрип двери нарушил тишину, и он вошёл внутрь, робко произнеся:

— Сестра Жуань.

— Сяотан, — Жуань Юэ лежала там, медленно приходя в себя, повернула голову к маленькой фигурке. — Сяотан, подойди... подойди сюда.

— Сестра Жуань! — Ду Сюэтан бросился к ней, упал на её руку и зарыдал так, как никогда раньше, даже когда Ду Вэньлэ издевался над ним. — Это я тебя подвёл, это я.

— Не плачь, хороший мальчик, не плачь, — мягко утешала его сестра Жуань, глядя его по лицу.

Ду Сюэтан не обращал внимания на её слова, продолжая рыдать. Сестра Жуань обняла его маленькую голову и с трудом повернулась на бок.

— Хороший мальчик, запомни слова сестры: живи, только живя, ты сможешь найти надежду.

Уйди отсюда, живи свободно.

Живи! Сестра Жуань повторяла эти слова, пока Ду Сюэтан не почувствовал, как её дыхание иссякло, пока он не выплакал все слёзы. На небе появился рассвет, и свет проник в комнату. Ду Сюэтан поднял голову, его глаза были красными и опухшими, и он смотрел на сестру Жуань.

Сестра Жуань была холодной, её лицо бледным с синеватым оттенком, без привычного румянца. Губы её были плотно сжаты, и на них не было ни тени тёплой улыбки.

Он смотрел на неё некоторое время, затем встал, аккуратно поправил рукава, достал из шкафа одежду, которую сестра Жуань обещала перешить для него, вытер слёзы и, не оглядываясь, покинул это место.

В усадьбу маркиза пришла новая прачка, ей было лет шестнадцать-семнадцать. Ду Вэньлэ наконец был выпущен и по-прежнему приставал к Ду Сюэтану, но теперь это уже не причиняло ему такой боли, как раньше.

Позже, когда Ду Сюэтан вырос, он понял, что когда человек полностью теряет защиту и перестаёт чего-то ждать, боль становится почти незаметной.

Вскоре задний сад покрылся толстым слоем снега. Ду Сюэтан достал стёганую куртку, которую сестра Жуань сшила для него в прошлом году. Она стала ему мала, рукава не доходили до запястий, но всё равно согревала его.

В двенадцатом месяце слуги засуетились, усадьба маркиза готовилась к Новому году, на кухне каждый день готовили разнообразные сладости. Ду Сюэтан, как всегда, прятался в углу. Он не завидовал этим сладостям, но в прошлые годы сестра Жуань всегда находила способ принести ему что-то вкусное.

Теперь сестры Жуань не было, и аромат сладостей стал слабее, лишь холодный ветер за стенами оставался неизменным.

Новогодняя ночь.

Вся семья маркиза собралась вместе. Госпожа Ду огляделась и вдруг вспомнила о чём-то, спросив служанку:

— Тот заперт?

— Не беспокойтесь, госпожа, — ответила служанка.

Госпожа Ду успокоилась, увидев, что воротник Ду Вэньтао слегка помят, с улыбкой подошла и поправила его.

В заднем саду, в маленькой тёмной дровяной кладовке, Ду Сюэтан был заперт. Каждый Новый год его запирали здесь. Госпожа говорила, что он приносит несчастье. Сначала он не понимал, в чём его вина, и часто плакал всю ночь. Позже он понял, что если госпожа говорит, что он приносит несчастье, значит, так оно и есть, и перестал плакать.

Дверь кладовки была тонкой, она не пропускала свет, но не могла удержать холодный ветер. В прошлые годы он старался свернуться в углу, надеясь, что скоро наступит утро. Но сегодня...

Ду Сюэтан сложил дрова в высокую кучу, с трудом взобрался наверх. В кладовке было маленькое окошко для вентиляции, расположенное высоко. Даже стоя на куче дров, ему приходилось вставать на цыпочки, чтобы увидеть, что происходит снаружи.

За окном лежал белый снег, иногда ветер поднимал снежинки в воздух. Он смотрел на серебристую снежную равнину, его рука непроизвольно сжала деревянную решётку окна.

Трах! Изношенная временем решётка сломалась. Ду Сюэтан на мгновение замер, затем, посмотрев на двор, словно принял решение. Усилив рук и ног он начал карабкаться через окно. Под окном лежала солома для растопки, и он упал на неё, не получив травм.

Холодный ветер заставил его содрогнуться, но в его глазах всё ещё читалось возбуждение. Все в усадьбе были в переднем дворе, в заднем саду людей почти не было. Он шёл по каменной дорожке, не прячась за искусственными холмами или кустами. Он прожил здесь так долго, знал каждое место, но только сегодня внимательно осмотрел всё вокруг.

Может быть, из-за яркого лунного света, а может, из-за редкой возможности ходить открыто, но Ду Сюэтан вдруг подумал, что усадьба маркиза — не такое уж плохое место.

У беседки снег лежал полуметровым слоем. Ду Сюэтан ступил на него, снег покрыл его щиколотки, было холодно, но он всё равно был счастлив. Если бы только сестра Жуань была рядом. Он остановился, его лицо на мгновение омрачилось, затем он присел на корточки.

Ду Сюэтан слепил снеговика, ростом с себя самого, это был самый высокий снеговик, какой он мог сделать. Он нарисовал веткой глаза, рот, затем встал перед снеговиком и глупо улыбнулся.

К полуночи ветер стал ещё холоднее. Ду Сюэтан весь дрожал, его щёки покраснели от мороза. Он смотрел на снеговика, вдруг глаза его наполнились слезами, и он крепко обнял холодную фигуру.

— Сестра Жуань, я скучаю по тебе.

Ду Сюэтан скучал по ней, но всегда помнил её наставления: живи! Сестра Жуань оставила ему одежду, он не мог уйти, не примерив её, она бы рассердилась.

— Ты посмел выйти!

Ду Вэньлэ неожиданно появился за его спиной, смотря на Ду Сюэтана, который глупо обнимал снеговика, на его лице появилась насмешливая ухмылка.

— Чаншунь, уведи этого ублюдка.

Чаншунь немедленно подошёл и схватил Ду Сюэтана. Тот сопротивлялся, его руки всё ещё тянулись к снеговика. Сестра Жуань...

— Назвал его сокровищем! — крикнул Ду Вэньлэ и с силой пнул снеговика. Невысокая фигура рассыпалась.

— Ах... — Ду Сюэтан в отчаянии упал на колени, сжимая кулаки.

Ду Вэньлэ замер, этот крик испугал его, он даже немного испугался.

— Что за шум! — подошла госпожа Ду, увидев Ду Сюэтана, её лицо сразу изменилось. — Кто выпустил его?

Ду Вэньлэ поспешно отступил в сторону, не смея произнести ни слова. Госпожа Ду взглянула на него и холодно сказала:

— В Новый год нельзя выпускать его, свяжите и закройте.

Ду Сюэтана поволокли прочь, его взгляд был прикован к разрушенному снеговика.

Тогда его продержали взаперти несколько дней, и когда выпустили, он был на грани смерти от голода. Стражник испугался, дал ему немного еды и выбросил обратно в его маленькую хижину.

Ду Сюэтан снова тяжело заболел, на этот раз никто не искал для него врача. Он лежал в постели каждый день, но в конце концов чудесным образом выздоровел.

Эта зима была особенно холодной, и несколько моментов из жизни Ду Сюэтана, которые он запомнил навсегда, произошли именно зимой. После сестры Жуань он больше не любил Новый год, пока...

Прошло несколько лет, Ду Сюэтан вырос, став подростком. Одежда, которую сестра Жуань не успела перешить, теперь идеально ему подходила, и он носил её всё время, несмотря на смену сезонов.

На второй год эры Юнхэ маркиз Уюань Ду Цин, как бывший чиновник лжеимператора, был изгнан из императорского двора. Усадьба маркиза потеряла прежнее влияние, и Ду Цин, находясь в плохом настроении, перевёз всю семью в усадьбу в южном пригороде.

Усадьба была построена на склоне горы, и в период смены весны на лето было идеальное время для охоты. На заднем склоне горы Ду Вэньлэ сидел на лошади, с гордостью глядя на кролика, которого ему наконец удалось подстрелить.

— Принеси его.

Ду Сюэтан не произнёс ни слова, направил лошадь к добыче и вскоре вернулся, держа её перед Ду Вэньлэ.

— Что это? Такой маленький, — пробурчал Ду Вэньлэ, затем взглянул на Ду Сюэтана. — Ты всё ещё носишь эту одежду?

<http://bllate.org/book/16170/1450536>